

В. П. ТИМАКОВ ФИЛОСОФСКАЯ ЛИРИКА П. П. ХУЗАНГАЯ

1

Понятие «философская поэзия» разными авторами раскрывается по-разному. Литературовед Е. А. Маймин в статье «Философская лирика поэтов-любомудров» об этом пишет следующее: «Термин «философская лирика» не имеет устойчивого содержания и, взятый сам по себе, вне исторического контекста, в достаточной мере условен. В разные времена разные люди вкладывали в него неодинаковый смысл. Философские стихи, по понятиям одних, могли казаться другим далеко не философскими, и наоборот»¹.

Материалом философских размышлений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Е. А. Баратынского, А. К. Толстого, Ф. И. Тютчева были темы: природа и человек, познание человеком загадок и тайн природы, природа и ум в их соотношении (Б. П. Городецкий, К. Н. Григорьян, И. М. Тойбин, М. Л. Лотман, Н. В. Королева)². Многие писатели и литературоведы относят в область философской лирики также стихотворения - раздумья о долге личности перед обществом, о народе, искусстве, поэзии и т. д. (В. Федоров, Л. Лавлинский, Л. Озеров)³. Все эти материалы, по нашему мнению, должны вкладываться в понятие «философская лирика», так как они раскрывают многоплановость также гражданских и интимных мотивов.

Народный поэт Чувашии Петр Петрович Хузангай (1907-1970) - один из немногих чувашских поэтов, творчество которого стало широким философско-историческим обобщением глубоких поэтических раздумий о нашей родине, народе, родном языке и искусстве. Философичность и гражданственность являются основными поэтическими качествами зрелого Хузангая. Ими обладают многие стихи и поэмы, особенно произведе-

¹ Маймин Е. А. Философская лирика поэтов-любомудров // История русской поэзии, т. I. Л., 1968, с. 435.

² История русской поэзии, т. I, 1968; т. 2, 1969.

³ Федоров В. Наше время такое. М., 1973; Озеров Л. В мастерской стиха. М., 1973; Озеров Л. В мастерской стиха. М., 1968; Лавлинский Л. Сердца взрывная сила. М., 1972.

дения послевоенных лет: циклы «Песни Тилли», «Вздыбленные волны», «Чувашия, край мой родной», стихотворения «Дуб над Волгой», «Родному народу», «Глаз Волги», «Середина» и др.

Еще в 30-х гг. Хузангай создавал немало произведений, обладающих поэтическим философизмом. Истоки этой лирической линии надо искать в раннем творчестве Хузангая. В его медитативных произведениях 20-х гг. значительное место занимает тема поэта.

Глубокая дума о высоком искусстве, о долге художника перед народом выражается еще в программных стихотворениях Хузангая. Вот как звучит его поэтическое кредо в произведениях 1924-1926 годов: «Свое юное сердце я в гусли превратил (Кёсле туса хутам сарак черерен), «Песня - мое горе, песня - моя радость» (Юра - манан хурлах, юра - ман хавас), «Поэты пишут кровью» (Поэтсем сырассе юнепе), «В мире родной мне один народ, ради него я и хочу гореть. Ему навеки хочу посвятить песню-счастье» (Сёр синче юратна эп пер халлах, ушан сец сунассам ман килет. Ун валли эп емёр асанмаллах хаварасшан юралла тивлет).

«Родился здоровым, вырос крепким, не зная, что присуждено мне. До семнадцати, до совершеннолетия не чувствовал мощь народа» (Суралтам маттур, усрем сатур, хама мен пуррине пелмерем. Певем ситениччен - вунсич сулччен таван халлах халне сисмерем) - говорит поэт в стихотворении «Благослови, родина». Потом у деревенского юноши происходит «озарение». Являясь очевидцем обновления родины, он вдохновляется благородной мечтой: «Отныне все силы, всю душу я вложу в песню и отдам народу» (Енте вай-халама, камалама юрра хурса пиллеп халлаха).

Во многих стихотворениях цикла «Южные мотивы» (Кантар кеввисем, 1927-1930) воспевается благородное стремление юного поэта служить родному искусству. В них часто возникает образ Михаила Сеспеля.

С поэтом-классиком автор ведет лирический (разговор о родном искусстве. «Мне не хочется остановиться на полпути, как мои предшественники. И за них хочется петь радостно и свободно» (Ман чарăнас килмест хам умён иртнисемле, сурма султа. Пуриншён те вёсемшён туллăн юрласчĕ, саланнă чунпа), - заявляет поэт. Он перекликается с призывом М. Сеспеля гореть за возрождение родного языка. Раздумья о цели художника выражены и в стихотворении «Заслужить имя поэта». Человек, неспособный волноваться за малейшие вещи в жизни, в окружающей среде, не в состоянии «до боли» любить родную землю и родной народ. Для поэта нет мелочей. В противном случае его слова превращаются в показную любовь, в бездушную риторику. Работа поэта трудна и благородна:

И пока в пылу куешь
Нужные слова,
Сердце горном разожжешь
Ты не раз, не два.
Если хочешь, чтоб пленил
Стих сердца людей, -
Недостаточно чернил, -
Крови не жалеи!
Ты не буквами листы Ис-
пещряешь, нет:
Высекаешь искры ты,
Чтоб зажегся свет.
Так поэты всех веков
Создавали стих.
Это очень нелегко -
Вы спросите их.

Пуç миминче туптаса
Сăмах хывиччен -
Хавшак чунпа сунăхса
Чылай кĕлленен.
Сырниă сăвву сынсене
Виттĕрех тесен -
Ăна чернил вырăнне
Юнупа тĕрлен.
Самрăк чунпа вут-кăвар
Хуптарам тесен -
Шур хут сине сăмах мар,
Хĕлхем сирпĕтен.
Ак - поэтăн ёмĕрех
Тапакан чĕри.
Сăвă сырма сав терех
Ансат тетĕр-и?

(«Поэт», 1924. Перевод автора).

В произведениях о природе и человеке, добре и зле молодой поэт пытается делать философские обобщения. Но это ему пока не удастся. Характерно в этом отношении стихотворение «Ржаное зерно» (Ыраш пёрчи) «Скажи мне, скажи, старый дед, что такое, по-твоему, ржаное зерно» (Кала мана, кала, ват асатте, мён въл ыраш пёрчи сан шутпа?), - спрашивает лирический герой, прибывший на гумно крестьянина.

После долгого размышления старик высказывает свою основную мысль: «Ржаное зерно тоже живое, при молотье никто не жалеет его!» (Ыраш пёрчи ҫапла ёнтё вълә - авалтанпах ҫапла авәтәтә). Юноша слушает его слова и делает неожиданный вывод: «Невольно обиделся я - человек, человек! жадный он алчный» (Ирёксёрех кўренчә ман кәмәл... Этем, этем! сәхә въл, тискер)⁴. В стихотворении, несомненно, есть философское начало, но для философского обобщения автору явно не хватало поэтического мировоззрения и художественного мастерства. Стихотворения-медитации поэта 30-х гг. приобретают новые лирические качества: в них чувствуются жизненный опыт автора и логика поэтических обобщений. Они близка к настоящей философской лирике. Поэт подводит итоги прожитых лет, определяет будущее своего творчества. Исповедь души выражена в стихотворении «Г. Т. Алендею» (1932), где поэзия сравнивается с вечно журчащим родником.

Шәватъ кунсұл. Сиксе вёрен романтик,
Эп хытрам хёллехи сенкер пәр пек.
Пёрех ҫәл, Атәл куҫё пек, сыхланчә,
Пёрех ҫәл ман шәнмасть пуль хёлёпех.

Идут года. Я, бывший романтик,
Остыл, как зимний голубой лед.

⁴ Хусанкай П. Уяртсан. Чебоксары, 1928, с. 31.

Только один родник, как глаз Волги, сохранился,
Только он и зимой не замерзает.

В стихотворении «Константину Иванову» (1940) Хузангай философски осмысливает наследие и значение поэта-классика, говорит о закономерности появления гения чувашской литературы.

Несмотря на жестокий самодержавный гнет, чувашская письменная литература выработала свои демократические, традиции, критерии художественного мастерства, выдвинула творческую интеллигенцию. На молодую литературу постоянно оказывала огромное влияние сила критического реализма русской литературы. Точны слова поэта, передающие веру угнетенного народа в свое скорейшее возрождение: «Сына своего ждет поколение: быть может, этот - способный разрушить скалы языком древнего скромного народа, способный остановить кровь, рвать железную цепь». (Ывӑлне кӑтет ӑру: тен, ҫак-тӑр авалхи юмарт чӑлхеҫӗсен сӑмаххипелен чул ту ватасӗ, юн чарасӗ, тимӑре татасӗ). Это – он, дающий свежесть сухим листьям, заговаривающий змей, превращающий «мировую человеческую слезу в «разрушимый алмаз» (Тумлама тӑнче куҫсуль тӑварӑ тултарса кристаллӑ – нихӑҫан катӑлми алмаз пек). Это – он, который будет дышать четверть века и останется бессмертным.

Поэт глубже раскрывает и образ Михаила Сеспеля. Борьба вокруг творческого наследия Сеспеля продолжалась долго. Приверженцы старого еще при жизни поэта обрушились на него с обвинением в нарушении и порче красоты традиционного чувашского стиха. Потом была попытка некоторых теоретиков выискивать идейные слабости Сеспеля, отрицать все заслуги поэта, обвинять поэта в национальной ограниченности и даже в пессимизме.

Правильную оценку творчество Сеспеля получило в начале 30-х гг. Молодой Хузангай принимал активное участие в определении роли Сес-

пеля в чувашской литературе. Он близко знакомится с писателями Украины, где чувашский поэт Сеспель прожил последние годы жизни. В 1933 году состоялась встреча П. Хузангая с П. Тычиной. Поэт так описывает ее: «В скромном кабинете Тычины висел портрет Коцюбинского и к моему удивлению – карта Чувашии... В том году чувашские писатели оказали непосильную помощь другу и соратнику Сеспеля, поэту-селянину, бывшему председателю комбеда Федору Пакрышню, который в 1921 году приютил сына Чувашии и похоронил его после трагической смерти. Поставив на могиле поэта временный дубовый обелиск, он сделал на мраморной плите трогательную надпись в стихах. Рассказ о дружбе поэтов-единомышленников, коммунистов глубоко взволновал Тычину. Он загорался мечтой – открыть уголок Сеспеля в Харьковском музее Шевченко: чувашский поэт перед смертью переводил «Катерину» и еще у себя на родине написал по мотивам знаменитого «Заповіта» стихотворение большого лирического накала «Как умру...»⁵.

Побывав в Крыму, на Черниговщине, в Киеве и других местах, связанных с жизнью Сеспеля, Хузангай вновь и вновь вдохновляется образом пламенного поэта-коммуниста. В стихотворении «Михаил Сеспель в Крыму» (1936) автор старается раскрыть настроение Сеспеля перед смертью.

Слышится проникновенный монолог пламенного поэта, речь, выражающая твердую веру в светлое будущее родного народа, в торжество справедливости.

Тăван чĕлхемпе пĕр-пĕччен эп, сĕршывăм,
Мана ĳнланас текенсем те инĕ...
Пулах, юлашки юн тумламĕ, чĕр сывлăм,
Çунах халăх чĕрĕлĕхĕн сескинче.

⁵ Хузангай П. Книга дружбы, с. 191.

Край родной! Я одиноко храню здесь родной язык,
Далеки и те, которые хотели бы понять меня.
Стань, моя последняя капля крови, росинкой
И гори на цветке возрождения моего народа.

Поэтическое обращение Хузангая к друзьям, испытавшим травлю со стороны клеветников, перекликается с клятвой Сеспеля перед народом:

Анчах нихçан та никама та
Сутмарăм эп, хама çăлса.
Пёр шухăшпа халь йăпанатăп:
Эп сирĕн умărта таса.

Нет ради своего спасения
Я никого никогда не продал.
Успокаиваю себя одной мыслью:
Я чист душой перед вами.

(«Далеким друзьям»).

Другим великим вдохновителем П. Хузангая в поэзии является А. С. Пушкин. В 1934 – 1935 гг. поэт переводит роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин». В течение этой работы Хузангай старается воспроизводить образ великого русского поэта и в оригинальных стихах. Создается стихотворение «Здравствуй, Пушкин!» (1937), где образ Пушкина ассоциируется с его произведениями, судьбой чувашского народа. И эпиграф, взятый из произведения Пушкина, напоминает историю и борьбу чувашского народа:

«...К нам навстречу плыла виселица, утвержденная на плоту – три тела висели на перекладине... Полная луна озаряла обезображенные лица несчастных. Один из них был старый чуваш». Так «отомстило» цар-

ское правительство крестьянам, участвовавшим в Пугачевском восстании.

Стоят дубы, что знали Пугачева,
Что в памяти клич Разина хранят;
Стоят, шумят по-зимнему сурово,
Но о весне привольной говорят.

Ты видел их: разросшись в три объёма,
Вознесся над кряжами старожил.
Переживет меня он, как когда-то,
Тебя и бурный век твой пережил.

Но нам ли быть в рабах у жизни тленной,
Зависящей от фазы звезд и лун?
И ты, как вызов правилам вселенной,
Бушуешь всенародно, вечно юн.

(Перевод Хузангая).

Судьбы народа и могучего дуба одинаковы. И Пушкин видел это крепкое дерево. «По селам края моего родного с «Онегиным» тогда я разъезжал», – говорит поэт, близко чувствуя дух Пушкина. Ветер резвится, дразнит, как леший, откуда-то доносится звук колокольчика. Картины произведения Пушкина у Хузангая рождают образные варианты:

Трехдневный месяц рыбкой золотою
Нырнет в редких тучах над леском;
То вдруг блеснет, как в сказке, головою,
То вдруг обиженно плеснет хвостом.

Стихотворение богато поэтическими рисунками. Вот некоторые из них:

Еще в осенних кочках первопуток
Бежит поземка, запахнув азам:
То под такси сворачивает круто,
То мелким бесом кружит там и сям.

Один, один... Покажется и сбруя
Жандармским аксельбантом на коне.
Берез верхушки, небо полосую,
Свистят, как розги, в «звонкой вышине.

Стихотворение «Здравствуй, Пушкин» - многоплановое произведение. Ассоциативное описание природы есть только фон для философской мысли поэта. На передний план выдвигается судьба чувашского народа. Даже белые березы зимой запоминали Пушкину розги, которыми царское самодержавие било народ. Теперь поэтический образ Пушкина вновь посещает эти края, где потомки полурабов читают «Евгения Онегина» на своем языке. «Бушуешь всенародно, вечно юн», говорит автор о новой судьбе чувашей. В многоплановость стиха также есть и мотив о личном долге поэта перед родным искусством, родной поэзией.

«Пушкин... Он меня заморозил давно и пожизненно. В нем – в поэте, человеке, в его многогранной личности – я всегда находил и нахожу ответы на самые волнующие вопросы: о свободе и необходимости, о долге и праве, о ремесле и вдохновении, о жизни и смерти... А иногда мне открывать его том было страшновато... Я мучительно искал себя. Свой голос»⁶.

⁶ Хузангай П. Книга дружбы, с. 186.

Об этом же поэт говорит в стихотворении «Здравствуй, Пушкин!»:

Долг рос. Не выплатил народу дань, я,
Не дело возвращаться с полпути.
Опять сомнения. Опять исканья.
Опять к тебе в учение идти.

Вершиной расцвета поэтического таланта Хузангая являются 50-60-е гг. С тех пор, как создавались его первые произведения, в политической, в экономической и культурной жизни страны произошли колоссальные изменения. В Советской стране было построено социалистическое общество. Наш народ героически выдержал тяжелое испытание в войне с фашизмом. Послевоенные будни советских людей превратились в массовый трудовой энтузиазм. Взору поэта, очевидца этих событий и активного участника великих преобразований, яснее открылась прошлая и настоящая судьба родного народа. Эта тема отразилась во многих произведениях поэта. Среди них особое место занимают циклы «Песни Тилли», в котором широко раскрывается поэтический мир П. Хузангая, его большое художественное мастерство.

«Песни Тилли»⁷ быстро завоевали любовь у чувашских читателей. Чем заворожили любителей поэзии эти 56 небольших стихотворений? «Их проникновенная сила, – говорил М. Я. Сироткин, – в мастерстве поэта в использовании зерна философично–образной системы народной лирики»⁸. Компактность формы и глубокое философско–эстетическое содержание произведений – вот основные особенности художественного качества «Песен».

⁷ Хузанкай П. Тилли юррисем. Чебоксары, 1962. Цикл включен в изд.: Хузанкай П. Суйласа илнисем, т. I. Чебоксары, 1968, с. 447-526.

⁸ Сироткин М. Халӑх поэчӗ. Предисловие к изд. «П. Хузанкай. Суйласа илнисем», т. I. Чебоксары, 1968, с. 48.

В. А. Долгов, определяя форму цикла песен Тилли, пишет: «Песни Тили» – своеобразный жанр поэзии, своеобразная форма поэмы»⁹ Однако, приблизившись к правильному определению ее, автор далее добавляет: «Может быть, пока они не стали поэмой, а из «них можно сделать поэму». Тут в рассуждении критика выявляется противоречие: если эти стихи превратить в лирическую или лиро–эпическую поэму, то они потеряли бы именно своеобразие формы. По нашему мнению, цикл «Песни Тилли» является своеобразным жанровым образованием в философской лирике Хузангая, который прочно стоит между стихотворением и эпической поэмой. Фабула цикла проста. Это – жизнь Тилли. Повествование ведется от первого лица – главного героя. В «Песнях» как бы ведется внутренний разговор героя со своей совестью, прошлой жизнью, прошлыми событиями, разговор о жизни вообще. Тилли – простой, трудолюбивый, бедный чувашский крестьянин. Много видел, многое пережил, набрал опыта. В его уста автор вложил философские рассуждения о смысле жизни, правде и неправде, об устройстве мира.

В песнях героя звучит сочная музыка народной лирики. Перед поэтом была основная цель: в своих оригинальных сочинениях добиться свежести народной лирики, выражать народную философию. Композиция цикла дает нам возможность последовательно узнавать жизнь героя: его род, семью, детство, юность, любовь, службу в царской армии, повседневный труд крестьянина.

Философию и эстетику цикла «Песни Тилли» хорошо проанализировал чувашский критик В. Долгов. Им, например, сделан обстоятельный разбор стихотворения «Что такое мехель?» (Мехел тени мёскер тени пулать?), с которого начинается цикл. Это произведение является прекрасным вступлением «философскому своду мыслей поэта. «Спросите вы у низких туч, почему они иногда долго не прольются?» (Ыйтсамър сұмър

⁹ Долгов В. Поэзии пулсан...Тăван Атал, 1962, № 3, С. 92-98.

пёлёчёнчен: мён–ма вёсем кáвак уярпала юхаççё çáвáнмасáр тахçанчен?), – размышляет герой стихотворения. Подобная его мысль обращена и к цветку, и к диким гусям, и к скрипачу: почему они в данное время не проявляют свою красоту, талант, усилие? Следует ответ–рефрен: «Мехел çитмен» (не пришло время или нет еще возможности). Но тут проявляется закон диалектики: происходит переход количества в качество. Он поэтически звучит так:

Мехел çитсессён çумáр ярáнать,
Çунатлá чун çултен çёре анать,
Чечек папки илемлён çурáлать,
Йёркипеле юрри те юрланать...

Если будет возможность, прольет дождь.
Крылатая душа с неба спустится,
Почки уже раскрываются,
И песня будет звучать.

С первыми стихами этого цикла тесно связано последнее стихотворение. Проходит время и, подчиняясь законам природы, человек стареет и умирает. Есть ли в таком случае смысл жизни? Есть, говорит герой лирики: «Не оставляем же пустым этот мир: мой род остался в деревне, как лес» (Йáлт пушатса каймастпáр тёнчене: вырман пек йышáм юлчё ял çине). Кроме детей и родственников, Тилли намерен оставить миру несколько своих песен. Тилли хорошо понимает, что в жизни у человека есть судьба и цель. По его мнению, судьба тесно связана с устройством мира и общества, где есть страсть и несправедливость. А цель направляет для человека на украшение его трудной жизни, еще на то, чтобы на свете меньше стало несправедливости, чтобы что–то осталось от человека его родным, народу. Размышления старика о двух ве-

щах – о судьбе исцеляют основу многих стихотворений цикла. Есть и стихотворения, которые целиком посвящены первой теме, а другие – второй.

Мыслями об устройстве вселенной, о жизни и смерти герой занят всегда. «Сморщился лоб, стараясь понять загадку этой жизни» (Ҙак пурнаҕ тупса́мне тупас тесе пёркеленсе хытаты иккен Ҙамка), – говорит он уже в старости. Трудно простому крестьянину разгадать загадки бытия. А вопросы возникают и возникают: «Кем же, когда, какой силой созданы и луна, подобная моей лысине, и звезды–монеты, и наша земля?» (Хаҕсан, аҕтан, Мёнле вай–хал–та́р Ҙак ман кукшам пак уйа́ха, нухрат–ҕалта́рсене, Ҙак хамар ҕёре те ча́мартаня́–ха? Калар–ха мана, калар!).

Человек постепенно убеждается в том, что никакой сверхъестественной силы нет. Идет развитие, превращение одной вещи в другую.

Ништа я́рса пусма аптра́тәп:
Ҙыр хёрринчи сар хайа́р та,
Ана ҕинчи хура та́пра та
Пулман–ши чунла́, тупата́?

Сарайа́мра ҕапатә́п кирпе́ч,
Сасарта́к та́м калаты́, илтеп:
«Хуллентерех. Юна ан сирпе́т,
Эп – эсче́, эсе́ пулта́н – эп!»

Эп Ата́л хёрринче ларата́п
Ытахальтен чул суйласа.
Пе́рне илесше́нчче́ – сасарта́к
Чул муклашки ка́ларче́ сас:
«Эп Ула́п пек ҕарпуҕ че́ричче́,

Эп пултӓм курӓк, пыл, упа...
Хӓвар мана, Этем, ан тивччӓ,
Уттарччӓ ху сукмакупа!».

Некуда мне наступать:
И желтый песок на берегу,
И почва в огороде
Мне кажутся живыми.
В сарае делаю кирпичи,
Вдруг слышу, промолвила глина:
«Полегче. Не брызгай мою кровь.
Я была тобой, ты будешь мной».
Сижу на берегу Волги,
Сижу и выбираю камешки.
Хотел поднять один – но вдруг
Камень издал звук:
«Я был сердцем полководца, подобного Улыпу,
Я был травой, медом, медведем.
Оставь меня, Человек, не тронь.
Иди своей дорогой!»

Нет ничего неизменного – к такому выводу приходит Тилли. Критически относится он к богу и служителям религии: «Понадеешься «на бога – наткнешься на сучок» (Турра шансан турат ҫине тӓрнан), «Просвиры попов не могут мне дать две жизни (Пуп таврашӓсем прусвер кӓларнипе пурӓпӓрех эп иккӓ пурнас ҫук), «Все они (бог и царь. – В. Т.) обуза для народа» (Йӓлтах вӓсем этем мурӓ), «Не пожелай мне, поп, загробной жизни» (Ан сун мана эс, пуп, леш тӓнчесем).

Старика все время мучают социальные вопросы. Иронически он говорит о своей бедности: «Не хватало богатства стать казанским господином, не настигла беда стать слугой господина» (Хусан хуҗи пулма мул җитмен, хуҗа тарҗи пулма хур витмен). Царское самодержавие жестоко эксплуатировало трудовой народ. Тем крестьянам, которые не были в состоянии платить подати, «спину хлестал черемуховый плут». И старик Тилли часто испытывал такое наказание. После этих мучений у старика невольно возникала претензия к богу: «Если есть в мире бог, видит ли он это мучение?» (Тёнче тытан җаһах пур пулсан, курать-ши вӑл җакна куҗёпе?). 25 лет проводил Тилли в солдатах. Несправедливость господствует и там: «Куда бы я ни дошел, несчастных везде оказывалось больше, чем счастливых. На белом свете солнце единое, но извечно его тепло идет не поровну» (Кирек ӗҗта җитсен те, иккен, нушалла чун «нумай ырринчен. Җут тёнчере хёвел пёрре, ӗшти пёр пек тивмест ёмёртен).

Чувство безысходной бедности и социальной несправедливости немножко угасает у старика только в состоянии опьянения. «Я для себя бог и царь, мир спокоен, в природе все равны» (Хамшӑн хам эп турӑ та патша, тёнче тикёс, җутҗанталӑк тан), говорит тогда герой, затаив свою большую обиду за долю труженика. Равноправие, утешающее старика, заключается в том, что в природе никто не проживает две жизни. «Если бы жизнь действительно приходила два раза, не умирали бы добрые господа» (Кунҗул җаһах та ик хут килес пулсассӑн – иҗ вилмёччёҗ ырӑ улпутсем). Представляя свою собаку Сарбай человеком такой же бедной, бесправной доли, Тили и ей поведаёт свою радость по поводу справедливости природы в распоряжении жизнью. Жизнь у бедных сравнивается со следом лыж, а у богатых – со следом тройки. Но смерть все изгладит: все равно сотрутся следы и у лыж, и у троек.

Временами горечь предстоящей смерти рождает у Тилли невеселые думы. «Почему, когда все познал, я должен покинуть этот мир?» (Мёскершён эп, йăлт хăнăхса çитсен, пурне те тивёç харăс пăрахма?). Простой крестьянин, хлебороб, пчеловод, он своей интуицией чувствует, что ни Киреметь, ни Пюлех, ни Хорбан не могут спасти людей от старости. Тилли разочаровывается в молении, убеждается в его бесполезности: «До сих пор не могу найти разницы между иконой и щепкой» (Уй-ăраймарăм халиччен турăшпала пăрахăç турпаса). Однако проявляющееся иногда чувство неизбежности смерти у него преодолевается оптимизмом. Самое ценное, что остается у него после смерти – его дети и песни. Целью жизни является еще и доброе имя чувашского крестьянина, которое складывается из соблюдения многих элементов народного этикета. Из него исходит представление Тилли о чести. Человек должен быть трудолюбивым, скромным, справедливым, выносливым, с людьми приветливым, чутким, должен уметь веселиться, ободрять людей. Тилли обладает всеми этими качествами. Он почтительно относится к своим родителям. Поет об их доброте, уме, трудолюбии, традициях; приветлив и благодарен в гостях. Например, в стихотворении «У ворот кланялся» (Хапха умне тайăлтăм) хорошо выражено взаимоотношение гостей и хозяев:

Хапха умне тайăлтăм,
 Хапăл курки эп ёçрём.
 Килкартинче тайăлтăм,
 Килёшў курки эп ёçрём
 Пўрте кётём, тайăлтăм,
 Пўрнё курка эп ёçрём.
 Сак халăхне тайăлтăм.
 Савăш курки эп ёçрём.
 Такмакларăм, тайăлтăм,
 Тав куркине эп ёçрём

У ворот кланялся –
 Выпил я ковш радушия.
 Во дворе кланялся –
 Выпил я ковш согласия.
 Вошел в избу – кланялся –
 Выпил я назначенный мне ковш.
 Поклонился народу,
 сидящему на нарах, –
 Выпил я ковш любви.
 Спел частушки, поклонился –
 Выпил я ковш благодарности.

Юмор всегда сопутствует Тилли. На шутовском повествовании старика построено стихотворение «Рубил я сто семьдесят лип» (Çёр те çитмёл çăка эп касрăм). Тилли выражает мечту бедняков, подобных ему, о зажиточной жизни: герой будто построил великолепный дом, где перечисление вещей идет в пышных эпитетах и сравнениях. Там все из меди и серебра, есть двенадцать печей, сорок одно окно, около которых в клетках сорок одна кукушка, которые выражают этикет гостя и хозяина, отношение хозяина дома к разным людям:

Сава тӑран килес кунхиие	В день прихода любимого	че-
Саркаланса куккук авӑтать		ловека,
Палла тӑран килес кунхине	Кукушка кукует – красуется,	
Пӑркаланса куккук авӑтать,	В день прихода знакомого	
Хам тӑвансем килес кунхине	Кукушка кукует – раскачивается.	
Харӑслатса куккук авӑтать	В день прихода родных	
Ытах ютсем килес кунхине	Кукушка кукует – скандирует.	
Ылмаш–ылмаш куккук авӑтать, Каччӑ–	В день прихода чужих	
терӑш килес кунхине	Кукушка кукует – сбивается;	
Каçса кайса куккук авӑтать,	В день прихода парней	
Хӑри–пӑраç килес кунхине	Кукушка кукует – заливается.	
Хӑрсе кайса куккук авӑтать,	В день прихода девушек	
Ача–пӑча килес кунхине	Кукушка кукует – горячится;	
Ахӑлтатса куккук авӑтать,	В день прихода детей	
Хуçi юптарнине сиссенех –	Кукушка кукует – хохочет,	
Çак юрӑ пек тӑпах чарӑнать.	Если чувствует намеки	
	хозяина -	
	Она умолкает, как эта песня.	

Теплый юмор, присущий многим пожилым чувашам, звучит и в других песнях Тилли. Он часто переходит в большой оптимизм. Герой лири-

ки горячо любит жизнь, как бы она ни была тяжела. Юмор и оптимизм определяют преемственность некоторых мотивов «Песен» от цикла «Земляки». У Яганата и Тилли (стих. «Яганат») есть любимое ремесло – пчеловодство. И тот, и другой при помощи звука скрипки стараются привить пчелиный рой. Как и у Эльдивана («Эльдиван») юмор у Тилли не исчезает даже перед смертью.

Имея глубокое историко-философское содержание, «Песни Тилли» обладают и богатейшей формой строфики, разнообразием звучания стиха, сложной системой образности. В строфике цикла встречаются самые различные варианты сцепления строк: двустишия, трехстишия, катрены, пятистишия, шестистишия, десятистишия. В общей композиции цикла они чередуются друг с другом и создают постоянно меняющуюся ритмику, что освобождает мелодию стиха от монотонности. В создании выразительного мелодического рисунка стиха играет большую роль и использование новых возможностей рифмовки, размеров стиха и комбинации строк.

Например, строфы стихотворения «Что же такое мехель?» представили бы собой обычные катрены – пятистопный ямб с перекрестной женской рифмовкой, если бы не присутствовала пятая строка «Мехел ситмен», состоящая из четырех слогов. Она повторяется в конце каждой строфы и придает стихотворению оригинальную форму и звучание. Но этим значение строки не исчерпывается. Важная сторона ее в том, что она является повтором при перечислении фактов и в каждой строфе – ответом на рассуждение героя. Таким образом, она в произведении имеет и ритмическое, и смысловое значение. Так автор мастерски передает содержание при помощи оригинальной формы. Такой повтор есть и в стихотворении «Снег валит на землю» (Сёр палърми юр с’авать), где каждый терцет заканчивается утверждающей строкой «Молодая жизнь

тоже так» (Ҙамрăк ёмёр – җавăн пек). В ней заключено содержание произведения. А первые две строки являются образными деталями.

Йывăҗ җине пас тытатъ,
Ҙил тухатъ те вёҗтерет,
Ҙамрăк ёмёр җавăн пек.

Дерево покрывается инеем,
Подует ветер и стряхнет,
И в молодой жизни так же.

Иногда усеченная строка вводится в середину строф. А в стихотворении «Не плачьте, родные, обо мне» (Ан макăрăр, «ял–йышăм, маншăн) она находится в конце строф:

Сăпайлă ывăл–хёрём, кинём,
Пёр пурнăҗшăн пурах пёр вилём,
Пурăнатăп чыслă – чыслă вил.
Пехил!

(Милые дети, сноха. У всякой жизни есть конец. Достоинно прожил, достойно умри. Благословляю!).

Цикл «Песни Тилли» обладает высшей музыкальностью. Он сочится красотой народной лирики, богатством поэтических фигур, аллитераций, ассонансов, начальных и внутренних рифм. Вот аллитерации на звуки «т», «х», «с»:

Тăвăтă касра тăвăтă савни,
Тăвăттăран пёри – тур җырни.
Хурапа җырни хурлăха.
Сарăпала-ши савăнмалăха.

Ассонансы: «Арӑслан пек аттем пур» («Отец мой был как лев»), «Ӑмӑрткайӑк аннем пур» («Мать моя – как орлица»); «Акӑш пӑллӑ аппам пур; асӑнмалӑх туйӑ пулчӑ, арчипе ярса чыс кӑчӑ, ачине – ман ятлӑ хучӑ» («Моя сестра стройна, как лебедь; ее свадьба была на всю деревню, на свой сундук посадила меня, сына назвала моим именем»). Стихотворение «У ворот кланялся», упомянутое выше, целиком построено на начальных рифмах. В произведениях широко использованы формы гостевых, хороводных, шуточных народных песен. Вот строки, напоминающие хороводные частушки:

И утар–и, утар–и,
Утар сӑлне тухар–и,
Тилли пиччӑр кукшине
Усланкӑра курар–и.

Идемте–ка, идемте,
Выйдем на дорогу к пасеке.
Увидим на опушке
Лысину дяди Тилли.

Много оборотов из широко известных чувашских песен (малоизмененных): «Турта тулли тур ут – тӑпӑлка», «Шӑнкӑр кӑна шӑнкӑр шыв юхать», «Вӑшӑл кӑна вӑшӑл сӑл вӑрет», «Ай–хай вӑрман кашлать, вӑрман кашлать, турат сӑмне турат хушас тет пуль», «Карти-карти, ай, кайӑк-хур иртет» и др. Иногда автор слегка изменяет эти обороты. Поэтические фигуры народной лирики, интонация, образно-логическое построение стиха фольклора придают стихотворениям сочность, свежесть, выразительность. Однако «Песни Тилли» нельзя считать образцами чувашских народных песен, обработанных поэтом. И при обилии элементов народной лирики эти стихи остаются оригинальными творениями Хузангая. Параллелизмы, расширенные метафоры и другие художественные средства, использованные в «Песнях», свежи, образны. Например, народная песня начинается строкой: «Шӑнкӑр кӑна шӑнкӑр шыв юхать». У поэта после этой первой строки идет самостоятельное развитие мыс-

ли: «Шӑнкӑр кӑна шӑнкӑр шыв юхать, авӑр тӑльне ҫитсен ҫаврӑнать. Тӑлек кӑна чӑрем, лӑпкӑ чун ҫын сӑмахне илтсен тапранать». В стихотворении «Куку! Куку! Лес звучит» после слегка измененного оборота из народной лирики «Ҫӑки ҫупать, туйри ташлать» («Липа хлопает в ладоши, молодая дубрава пляшет, следуют оригинальные тропы поэта: «Молодые дубы – дружки жениха, березы – подружки невесты, черемуха – молодожены» (Ҫӑки ҫупать, туйри ташлать, тупӑлхисем – туй ачисем, хурӑнӑсем – хӑр ҫумӑсем, ҫӑмӑрчӑсем – ҫӑнӑ ҫынсем).

Так в творчестве Хузангая 60-х гг. органически сочетаются мотивы фольклора с традициями чувашской советской лирики. Поэт находит едва уловимые моменты для лучшей передачи философского и эстетического содержания произведений. Многие зорко подмеченные поэтом черты характера чувашских людей прошлого в типическом обобщении представляют собой ценный познавательный материал для читателей, историков, исследователей различных сторон чувашской жизни.

3

Если в цикле стихотворений «Песни Тилли» выражена и развита поэтом народная философия, то во многих других лирических стихотворениях и поэмах Хузангая отражены собственные философские размышления о цели жизни, о творчестве художника, о родном народе и языке, о месте родного народа в единой семье народов СССР. Глубокой философичностью обладают циклы стихотворений «Вздыбленные волны», «Чувашия, край мой родной», «В округе Юхмы», стихотворения «Дуб над Волгой», «Глаз Волги», «Родному народу» и др. Поэт и народ – органическое единство. Одним из лучших стихотворений на эту тему является «Дуб над Волгой» (1953), проникнутое страстной любовью к родному народу. Поэт восхищается жизнестойкостью жестоко угнетенного в прошлом народа, радуется его новой жизни. «Не страшны тебе в

большой семье ни грохот гроз, ни пламя». Народ здесь символизируется с дубом. Есть эпитафия к стихотворению «Старый дуб – наш батюшка». Это – строка из народной песни. «По чувашскому понятию прекрасного образу мужчины, преимущественно – отца, в традиционной лирике психологически параллелен образ зеленого дуба. Дуб – хозяин лесной фауны, всегда богатырски могуч, веками властвует над округой. Мужчине подобает быть таким же: могучим, крепким, стойким», – пишет В. Я. Канюков¹⁰ Если дуб – символ народа, то поэт вправе сказать о себе: «Дуб-батюшка! Я желудь твой». Такая страстная сыновняя любовь поэта выражается и в стихотворении «Родному народу» (1955). Исключительное трудолюбие, богатство души, талантливость, аккуратность в работе – такими чертами характера народа восхищается поэт.

В этом стихотворении им первый раз раскрывается поэтическое значение афоризма «Чăваш ятне ан çĕрт» («Не оскверняй честь чуваша»).

Эта пословица, исходит из общественных этических норм. Она подобна выражениям «халăхпа пĕрле пул» (будь с народом), «намăса пĕл» (будь совестливым).

Чăваш ятне ан çĕрт!»

Мĕн евĕр

Тасалах çак сăмахсенче!

Мĕн чухлĕ тўсем, вай сисетпĕр

Сан пилĕнте, Тăван тĕнче!

«Не оскверняй имя чуваша!»

Сколько чистоты в этих

словах.

Сколько стойкости, силы

чувствуем

В твоём завещании,

родной край!

Этими же словами родители благословляют своего сына Прохора Иванова, отъезжающего на Южный фронт сражаться против Врангеля.

¹⁰ Хусанкай П. Хушка хумсем. Чебоксары, 1967.

(Поэма «И в земле не сгинем»). Герой гражданской войны Прохор Иванов постоянно вспоминает на фронте напутствие родителей и односельчан, остается до конца верным ему, защищая Советское государство от интервентов.

В поэме «Ввысь» (1961–1962) поэт с этой народной поговоркой обращается к третьему космонавту – А. Г. Николаеву.

В годы Советской власти чувашский «язык получил большее развитие. Люди законно гордятся своей литературой, культурой. Но «в семье не без урода». Нет-нет да находятся такие люди, которые с каким-то пренебрежением относятся к языку родителей. Эхо люди – нищие духом, отступники. Поэт гневно выступает против них:

Кёсçe пит вӑл, кёлмёç чун,
Куççӑнах унран кулатпӑр
Ўк те сурӑл, хып та сун, –
Эпир пулнӑ, пур, пулатпӑр!

Лицемер он, нищая душа,
Мы открыто презираем его.
Хоть разорвись, хоть сгори –
Мы были, есть, будем!

(Наши песни, наш язык, наши узоры дойдут до коммунизма», – говорит автор. Родной язык поэт сравнивает журчащим живым родником («Чувашский язык – наш живой родник»). Не «нищие духом», а лучшие сыны и дочери определяют славу и культуру народа, образы которых Хузангай любовно показал в своей поэзии.

Как нежен, ласков мой язык!
Я слышу звуки милой речи:
То ль руки гусли взял старик,
То ль это ласточка щебечет?
Как нежен ласков мой язык! –

пишет поэт в 1963 году («О крылышко мое, родная!»).

Философской глубиной отличается цикл лирических стихотворений «Вздыбленные волны»¹¹, написанный в 1963 году в Латвии, в Дубултах. Это – размышления о родном народе, думы об искусстве, раскрытие отдельных сторон эстетики народных песен. Зерно философии находится в оригинальном начале этих произведений. Оно иногда ассоциируется с мотивами народных песен, но в каждом случае развивается самостоятельно. Широка поэтическая картина цикла. Природа Латвии, простор Балтики, сосновый бор, янтарный берег поэтически связываются с чувашским краем, Волгой. «Перекликаясь в поднебесье, гуси над родиною Райниса летят. Чувашской музы – есть такая! – гусли звенеть готовы кликам этим в ряд»¹² Вдали поэт видит родные картины: ледоход на Волге, столицу Чувашии Шупашкар. В данном цикле интересно построена система образов. Очень удачно сочетаются фон и развешиваемая на этом фоне поэтическая мысль. С Волги доносится ветер. Он сливается с думами лирического героя о родном народе и распадается на музыкальные гаммы, каждая из которых представляет самую проникновенную чувашскую народную песню. В большинстве стихотворений этого цикла присутствует интонация этих песен. «Ёҫекен нумай, юрлакан ҫук» (Гостей много, а поющих нет), «Алран кайми аки-сухи» (В руках кормилица-соха), «Нимене! Нимене!» (На помощь!), «Анатран хӑпаратъ шурӑ пӑрахут», «Пирӑн урам анаталла».

Застольную песню «Алран кайми аки-сухи» чувашские земледельцы считают своим гимном. Она является одной из самых задушевных песен народа, исполняемой в особо торжественных случаях. Труд и мораль крестьянина в песне выступают в единстве. «В руках кормилица-соха, в сердцах у нас отец да мать», – говорится в песне о характере и этике чуваша-земледельца. Подчеркивая высшее совершенство народного тво-

¹¹ Хусанкай П. Хушка хумсем. Чебоксары, 1967.

¹² Цикл «Вздыбленные волны» перевел А. Казаков.

рения, поэт пишет: «Легко за эти два стиха я мог бы том своих отдать!». Скромнен и талантлив безымянный автор-труженик, сложивший эту песню, безгранична его любовь к земле и родным мелодиям.

Землицу отряхнув с лаптей,	Грач, как гадалка, за тобой
Ты борозду прямую вел.	Следил, вникал звучанью слов.
И вдруг нашел мечте своей	Как будто к выси голубой
Неувядаемый глагол.	Их понести он был готов.

Высшим лиризмом, задушевной мелодией обладает и другая чувашская народная песня «Нимене!» (На помочь). Она является призывом к дружному коллективному труду:

Жать хлеба, или косить,	Что ты можешь один?
Иль скирды метать,	И из глубин веков
Иль избу рубить –	Со жнитва, с луговин
Как народ не позвать?	«Нимене!» слышен зон.

Такой коллективный труд издавна характерен был чувашскому народу. Обращаясь к глубине исторического простого народа, в его песне-исповеди автор раскрывает и сегодняшнюю судьбу его.»Труд – твоя колыбель, возрожденный народ! В небесах, на земле ль у нас дело идет». Поэт приходит к большому обобщению: трудностей и сейчас немало, и чем дело трудней», тем важнее помощь друг другу. Лучшие песни родного народа заставляют задуматься над состоянием современной поэзии. Около талантливых, одаренных людей немало и поэтов-ремесленников, поэзия которых не способна затронуть душу читателя: «Горько мне иногда: гонорары несут ущерб нашим стихотворениям» (Кулянатӑп пӑртак: гонорарё-масарё пирён сӑввӑмӑра катӑкрах турё мар-и?).

Народные мастера не знали подобных гонорару благ. «Благ за нее не получал – на что же соловью они!», – говорил поэт еще в стихотворе-

нии «В руках кормилица-соха». Песня была постоянным спутником чуваша. Вышивал, прят, ткал, делал зыбку, качал ребенка, собирал гостей, свадьбу свою справлял – исполнял различные песни. Они были прекрасны, как душа хлебороба. Стихотворения-размышления Хузангая о подлинном искусстве обладают большой искренностью. Автор подчеркивает, что высшее совершенство народных мастеров обязывает поэтов писать еще лучше, никогда не поддаваться ремесленничеству. Правда, на склоне лет многим поэтам трудно совершить новый творческий взлет. Чтобы не скатиться вниз, поэт постоянно должен учиться. Если ему невозможно идти вровень с молодыми, то он мешает молодым росткам». Строго звучит самоанализ автора: «Я сам уже не лист ли прошлогодний? Ведь дважды никому не зеленеть!.. Опавший лист в костер идет сегодня, дымится тленом тронутая медь». Строгий самоанализ необходим для того, чтобы поэт спокойно не относился к достигнутому, а находил силы для дальнейшего творчества. «Середина... Так же, целыми днями, не снимая хомут, тянуть бы нам еще четверть, тогда законно запрягите нас, расслабьте супонь», – обращается пятидесятилетний поэт к своему ровеснику Василию Митта («Середина»). Такая же мысль выражена и в стихотворении «Глаз Волги» (Атӑл куҫӗ): «Проходят годы, но желал бы я, чтоб, не одевшись льдом ни на мгновенье, всю жизнь плескалось в сердце вдохновенье» (Перевод В. Потаповой).

Чувство ответственности перед народом, перед единомышленниками и ровесниками требует новых творческих подвигов:

Я жить хочу под небом нашим синим,
Как никогда, все дольше, все полней!
Я жить хочу за всех моих собратьев,
Кто до меня под ношею тяжелой
Горьмя горел всем юношеским жаром,
Чтоб путь открыть родному языку,

Чтоб силу нашей речи обрести.
За них хочу я в слове воплотить
Их смелые, высокие мечты!
Что оборвались слишком, слишком рано!
За сверстников, кто на войне великой
Глядел в глаза холодной смерти прямо,
Кто, побеждая, голову сложил!
За тех, кто был неправдой, клеветою
Оторван от родимых мест, от близких,
И вдалеке грустил об отчем крае...

(«В родном краю», 1951, перевод Ф. Фоломина.)

Остаться до последних дней жизни на поэтической вахте – цель дальнейшей жизни поэта: «Сердце, что бы ни случилось я приму смерть в твоём пылу. Если останется хоть одна искорка, я, сердце, не хочу упрекать тебя» (Чёрем, мёскер пулсассан та хыпса сунсах сёре кёрем. Пёрах хёлхем юлсассан та ўпкевём сук сана, чёрем!). «Мы – современные поэты мира, – говорит Хузангай в произведении «Каждое мое стихотворение кажется последним», – не должны быть равнодушными ни к каким событиям, мы должны чувствовать сердцем, каждой каплей крови состояние мира!» (Курман-илтмен, пёлместёп», – тенё пек пуранаймасть поэт: ун тивёс сук. Чунпа, юнпа, кашни тумламёпе! – тёнче халне въл туймалла ку чух). Таким образом, лирика П. П. Хузангая многосторонне раскрывает нашу действительность, создает целый ряд ярких лирических образов, показывает психологию и быт чувашских людей, обладает философским обобщением.

Результаты активной литературной деятельности поэта в течение 45 лет являются большим вкладом в советскую многонациональную литературу. Вся жизнь Хузангая представляет собой беззаветное служение родному народу, искусству, родной стране. Поэт еще юношей дал

клятву всегда гореть за высокое искусство. Свое большое обещание он выполнил с честью.